

Фрида Вигдорова

Девочки (дневник матери)

Журнал начинает публикацию книги Фриды Вигдоровой «Девочки (дневник матери)». Судьба этой книги станет ясна читателю из предисловия, написанного дочерью автора А. Раскиной, которая и подготовила к печати эту журнальную публикацию.

Моя мать, Фрида Абрамовна Вигдорова (1915–1965), была педагогом, журналистом, писателем, автором книг «Мой класс» (1949) о первых шагах молодой учительницы, трилогии «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка» (1954–1959) о детском доме и дилогии «Семейное счастье»,

«Любимая улица» (1962–1964), где с одним из героев она поделилась собственной журналистской судьбой. Тема воспитания детей, подростков была главной (но не единственной) темой ее книг и статей. При жизни Ф. А. вышло несколько сборников ее статей, которые, в отличие от книг, никогда потом не переиздавались, так что нынешнее поколение знает Вигдорову-публициста только по ее записи 1964 года двух судов над Бродским (на обоих судах она была с начала до конца), которая распространялась в самиздате, попала за границу, побудила к действию целую армию защитников Бродского и в конце концов помогла молодому поэту, приговоренному за «тунеядство» к 5 годам подневольного труда в северной деревне, вернуться в Ленинград через полтора года.

Запись эта была опубликована в России только в 1988 году («Огонек», № 49) с предисловием Лидии Корнеевны Чуковской; теперь ее можно найти на множестве интернетских сайтов, и редкая статья или книга о Бродском обходится без того, чтоб ее процитировать. Часто эту запись ошибочно называют стенограммой. Фрида Абрамовна стенографии не знала. Ее искусство было в другом. Всю свою жизнь она вела журналистские блокноты, где часто делала записи по памяти (это было в домагнитофонную эру), бывало, что блокнот приходилось убирать подальше, чтоб не спугнуть собеседника или чтобы он не «работал» на корреспондента, — а уж потом, по горячим следам, записывать. Потому-то ей удалось многое из суда над Бродским воспроизвести по памяти после того, как судья запретила ей записывать: журналистская хватка помогла. Конечно, тут дело не только в том, чтоб запомнить, одной памяти мало. Л. К. Чуковская в послесловии к одной из книг Ф. А. пишет о ее журналистских записях: «То, что сделаны они на лету, не помешало им: они вполне точны и вполне завершены. И достоверность, точность, которая составляет их прелесть и силу, — не стенографическая, а самая драгоценная на свете: художническая».

Среди блокнотов с записями Ф. А. особняком стоят ее материнские дневники, которые она вела о моей старшей сестре Гале и обо мне.

Галя родилась в 1937 году. Тогда Ф. А. и начала вести дневник (в общей тетради), а кончила в 1955 году. Всего общих тетрадей восемь. Есть еще девятая тетрадка, где Ф. А. сделала несколько записей постфактум: не про

все она могла писать в дооттепленные годы. Дневники эти она давала читать друзьям. Корней Иванович Чуковский упоминает их в «От двух до пяти» и кое-что оттуда цитирует. Ф. А. с 50-х годов хотела опубликовать в том или ином виде эти записи. Подготовила полудокументальную выжимку из них под названием «Маша и Катя» для третьего тома альманаха «Литературная Москва», но, как известно, том этот зарубили, и он не вышел.

Так дневнички и остались неопубликованными. Ф. А. говорила Л. К. Чуковской: «Лидия Корнеевна, дневнички — вам!» — имея в виду, что если она сама не успеет, то подготовить их к публикации она поручает Л. К. Ф. А. умерла 7 августа 1965 года, и вскоре Л. К. взялась за подготовку. В 1967 году издательство «Просвещение» заключило с нами договор, и уже в апреле 1968 года Л. К. работу закончила, назвала дневнички «Девочки (дневник матери)» и сдала в издательство. Интересно следующее. Как я уже отмечала, Ф. А. не могла всё, что говорилось дома, доверить бумаге в сталинские, да и первые послесталинские годы. Но даже и того, что она позволяла себе записывать (особенно постфактум), Л. К. все-таки целиком не могла в 1968 году предложить издательству, какие-то записи пришлось опустить. Хотя ничего «антисоветского» в дневничках не было. И вот даже такая рукопись не была принята издательством к печати. Сдав ее в издательство 12 апреля 1968 года, Л. К. записала в своем дневнике: «У меня надежды на выход этой книги, да еще в этом, темнейшем, изд-стве, да еще сейчас, — нету никакой. Уж очень она очаровательная, домашняя, талантливая. Но мой долг исполнен». Вскоре Л. К. прислали письмо, в котором говорилось, что «ввиду реорганизации изд-ва «Просвещение» рукопись к печати не может быть принята», и на этом дело кончилось. Скорее всего, сыграло роль и то, что обе — и Ф. А., и Л. К. — были «неблагонадежными» с точки зрения властей. Ф. А. попала в опалу еще в 1964 году — за распространение записи судов над Бродским, а Л. К. в 1966 году из-за ее открытого письма Шолохову.

Так с тех пор рукопись и не была напечатана. Предлагая читателю ее сокращенный (журнальный) вариант, я вставила несколько записей, которые Л. К. вынуждена была опустить, отредактировала примечания, добавила несколько новых, исправила некоторые нестыковки и т. п.

А. Раскина

**Публикация дневников открывается записью
о начале войны. Гале Кулаковской 4 года 7 месяцев.**

23 октября 41.

22-го июня застало Гаю в Выборге, откуда Валентина Николаевна вывезла ее с большим трудом. В Ленинграде ее ожидала я, попавшая в Ленинград случайно, по дороге из Петро-заводска в Москву.

1 июля нам удалось с Галей выехать в Москву, затем мы ненадолго отправили Гаю в Солнцево к родным. Там она бегала босиком, в трусиках и панамке — загорелая, румяная, круглолицая. 7 июля беднягу отправили в Васильсурск [1], откуда приходили лучезарные письма, что не помешало ей переболеть скарлатиной. В середине августа я поехала за ней в Васильсурск и нашла ее — худую, бледную, остриженную. Мы молча обнялись, у меня закапали слезы.

— Мама плачет, мама обиделась, — закричали дети.

Галя повернулась к ним и серьезно ответила:

— Это от радости.

Потом она стала ходить за мной по пятам, пугаясь, если я на время отлучалась, ночью протягивая руку, чтоб удостовериться — тут ли я.

В Горьком, где Галя заболела свинкой, нам пришлось прожить три дня. Я была вынуждена оставлять Галку на несколько часов одну: я бегала на рынок, на вокзал за билетами. Дочка сидела в кровати — тихая, смиренная, играя с куклами.

Буквы — несмотря на то, что их с ней никто не повторял, — помнит и читает легкие слова: мама, папа, Шура, суп и т. д.

Стрехом пополам добрались мы до Москвы. Тут Галя выдержала карантин и 1 октября отправилась с Зоей [2] в Ташкент к бабушке Соне. Больше ничего пока о ней не знаю.

30 ноября 41. Ташкент.

После Васильурска изголодавшаяся Галка ела с аппетитом, который ей никогда не был присущ. О еде она говорила почти со страстью, свой день она начинала словами:

— Мама, дай мне кашечку с маслом, с сахарком.

И в голосе — упоение, восторг, нежность. В Ташкенте, переболев воспалением почечных лоханок, Галя заболела корью. Вызванный на дом врач, выслушав дочку, с удивлением воскликнул:

— Ну, и тощай же она у вас.

И действительно — очень худая стала.

*

— Галя, тебе от папы-Шуры письмо!

Галя, радостно:

— Я так и знала! В чае была чайника и все сказали: будет письмо! Вот оно и пришло!

На днях спросила задумчиво:

— А папа Шура меня любит?

— Конечно.

— А я думала, он меня забыл...

Все болеет. Совсем ослабела.

Под Галкину диктовку отправлена Шура открытка следующего содержания:

«Милый папа Шура, я хочу, чтоб ты из армии опять пришел домой. Я по тебе скучаю. Когда ты приедешь, привези мне чего-нибудь».

4 декабря 41.

Перед отъездом в Ташкент вдруг спросила:

— А как родятся дети и откуда они появляются?

— Зачем тебе это знать?

— Как же, я приеду в Ташкент, меня там спросят, а я не сумею ответить.

Потихоньку эту острую тему удалось замять.

*

На днях, когда температура отпустила ее немножко, брала по одной свои книжки и читала их все наизусть, без запинки, подряд: Михалкова, Маршака, Чуковского, Барто и другие.

Сегодня очень мучается из-за уха.

5 декабря 41.

Чувствует себя прескверно, болят уши, температура 39 и 6, но разговаривает, рассуждает, шутит:

— Гоголевская улица это, наверное, та, на которой продается гоголь-моголь?

И хитро улыбается.

7 декабря 41.

— Я всех люблю. Не люблю только Гитлера и Бармалея!

— Я тебя, мама, люблю, я жить без тебя не могу. И ты без меня не можешь, да?

*

Вымыв руки одеколоном:

— Какая я нюхляя, пахлая!

Если б она умела хорошо читать, ее можно было бы запозорить в плагиате [3].

*

— Ты знаешь, мама, почему я положила голову к тебе на колени? Чтоб ты не плакала.

16 декабря 41.

Письмо папе Шура: «Дорогой папа, ты спрашивал, как я ем. Я ем очень хорошо. Ушки у меня не растут, как они могут расти, когда они так болят. Я поживаю хорошо. (Он ведь спрашивал, как я поживаю). Может, попадет в чай чайника, и я еще получу много писем. Ну, чего еще писать? Чтоб привез заводную игрушку».

21 декабря 41.

Началась полоса безудержного кокетства:

— Что это мне надевают черный сарафан, черный галстук, черный передник — тут нет вкуса!

**Краткие биографические сведения
о героях этой рукописи**

Отец Фриды Абрамовны Абрам Григорьевич Вигдоров (1886–1960) был педагогом, мать Софья Борисовна (1889–1968) — фельдшерницей. Ф. А. и ее брат Исаак Абрамович Вигдоров (1919–1968), будущий военный летчик, росли в дружном и гостеприимном доме. Семнадцати лет Ф. А. уехала учительницей в Магнитогорск. В середине 30-х она вернулась в Москву вместе с Александром Иосифовичем Кулаковским (1912–1942), тоже учителем. Вскоре они поженились, и в 1937 году у них родилась дочь Галя; в том же году они оба кончили педагогический институт. Тогда же Ф. А. начала свою журна-

листскую деятельность. Перед войной молодая семья распалась, но родители Гали остались друзьями. А. И. Кулаковский погиб на фронте 7 марта 1942 года. С его матерью Валентиной Николаевной Черемшанской («бабушкой Валей») Ф. А. сохранила самые теплые отношения до конца своей жизни.

В самом начале войны Ф. А. вышла замуж за писателя Александра Борисовича Раскина. В эвакуацию в Ташкент она поехала с семьей, уже ожидая второго ребенка. Саша родилась в 1942 году. В эвакуации Ф. А. работала специальным корреспондентом «Правды».

А. Б. Раскин (1914–1971) — автор нескольких книг литературных пародий и эпиграмм (до войны — совмест-

но с М. Слободским). Среди послевоенных книг упомянем «Очерки и почерки» (1959 и 1962), а также книгу рассказов для детей «Как папа был маленьким» (1961–1965), которая переиздается и в наши дни. По пьесе А. Раскина и М. Слободского «Звезда экрана» был поставлен фильм «Весна» (1947).

Галина Александровна Кулаковская (1937–1974), в замужестве Киселева, преподавала в школе физику. Две ее дочери живут в Москве.

Александра Александровна Раскина (1942) — по образованию лингвист, в настоящее время живет с семьей в США, в городе Новый Орлеан, и преподает русский язык и литературу в университете Тулейн.

Или, смотря в зеркало, самодовольно заявляет:

— Нос действительно картошкой, зато есть ямочка на щеке и глаза хорошие!

Или:

— Вырасту большая, буду красить губы, как тетя Катя.

— Зачем?

— Чтоб красивее было. И глазки накрашу, и щечки, и спинку, и животик.

— А живот-то зачем? Не видно ведь?

— Разденусь — увидят.

*

— У тебя глазок ласковый и блестит.

19 февраля 42.

Ни секунды не сидит на месте. Даже сидя на стуле во время еды — все время ерзает, покачивается.

На днях перевязала себе ноги (связала их) и прыгала вокруг стола до тех пор, пока не упала. Заплакала не от боли, а потому что кругом засмеялись.

Шутку понимает, но насмешки не терпит. Упрямая. Плохо слушается домашних. Меня слушает, но может быть, потому, что я бываю на Паркентской [4] больше в качестве гостыи. Бредит детским садом, мечтает о нем — видимо, очень скучает без сверстников.

*

На днях сказала Ивану Федоровичу, соседу, сурово:

— Я не хочу с тобой здороваться, зачем ты на меня кричал?

— Я шутил.

— Не люблю я таких шуток.

*

Галя читает в книге «Приключения Нильса»: «Жил был на свете мальчик Нильс».

— Не «жил», а «жил», — поправляю я.

— Тогда после «ж» должно стоять «ы», — говорит Галя.

Замечание тонкое, указывающее на наследственную лингвистическую одаренность. Это у нее от отца.

*

В Фергану [5] мне писали мама и Шура [А. Б. Раскин. — А. Р.]. Из Шуриного письма от 1 янв.:

«Галка прослышала, что новый год как-то “встречают”. Это ее очень заинтересовало.

— А ты будешь встречать? А как встречают? — И т. д.

Я купил ей елочных игрушек и домашнюю игру, пленившую меня названием “Наши мамы”. Игра простая — карточки с мамами: мамы — инженер, учительница, повар и т. д. плюс карточки с орудиями производства: глобус, мясорубка и прочее. Каждой маме надо найти ее орудие. Галка очень увлеклась игрой и быстро ориентировалась. Даже мама-трактористка усвоена. Мы играли весь вечер. Я отучаю ее целоваться, признаваться в страстной любви и брать соль руками. Поражает запас слов. Взрослые обороты речи:

— У тебя новые очки, или это были *запасные*?

— Я всех люблю, даже *тебя* (сегодня — *себя*).

— У меня было *осложнение* среднего уха.

Играя в «мам», осознала, что у всех людей есть профессии.

Ты — учительница и журналист. Я — литератор (пишу книжки). Мама Соня [6] — фельдшерица. Очень заинтересовалась. Хорошая девочка. Но упряма — дико и целуется, как пулемет».

22 февраля 42.

«Однажды в студеную зимнюю пору», — читает с выражением Галя, выделяет прямую речь — несомненно хорошо понимает читаемое. И вдруг, произнося слова «да два человека всего мужиков-то: отец мой да я», объяснила:

— Это лошадь говорит.

Все ужаснулись и наперебой стали толковать, что она ошибается: разве лошадь может разговаривать? Разве лошадь может сказать о себе «мужиков нас двое» — ведь лошадь не человек?

На это Галя нерешительно возразила:

— Но лошадь ведь тоже — мужчина.

16 марта 42.

Галиной маме исполнилось 27 лет.

— Мама, кто такой ветеринар?

— Доктор, который лечит животных: телят, поросят, собак...

— И он тоже ходит на четырех лапах?

26 марта 42.

Гале исполнилось 5 лет.

В день своего пятилетия встала очень рано и обнаружила рядом с постелью кукольную кроватку с подушками, простыней, одеялом. Выбежав в соседнюю комнату, увидела на столе чайный сервиз и чашку с конфетами и изюмом — подарок Екатерины Семеновны и Ивана Ивановича.

От возбуждения не могла завтракать, разглядывала подарки и ждала меня.

После полудня вышла на крыльцо, села на стул и, положив ногу на ногу, задумалась.

В таком именно состоянии застали ее мы. Увидев нас, она вскочила, против обыкновения не улыбнулась, не поздоровалась, а воскликнула каким-то сомнамбулическим голосом: «Я сегодня именинница!», — после чего получила грабли, лопату, прыгалку и прочее. Вера принесла пряничного зайца:

— Посмотри, — кричала Галя восторженно. — Заяц с *у́сами*!

За обедом выпила рюмку вина, разругалась и несколько пьяным голосом стала напевать какой-то мотив. Пыталась вновь и вновь рассказывать об игрушках, полученных в подарок, и в заключение угостила всех своим изюмом.

Затем сердечно прощалась с немногочисленными гостями, а целуя меня — расплакалась. Тем день рождения в эвакуации и закончился.

Галя с бабушкой Валентиной Николаевной.
Предвоенное фото

28 марта 42.

Вчера ходили в баню — две мамы и Галка. Все было хорошо. Но вот, перед лицом уходящего трамвая, Галя вдруг повернулась и побежала назад — поцеловать меня на прощание. Трамвай между тем ушел. Никто не оценил Галиного душевного порыва, и обе мамы страшно раскричались.

Следующий трамвай был переполнен, и сесть не удалось. Третий трамвай был переполнен и сесть не удалось. С четвертым случилось то же самое.

С каждым уходящим трамваем мамы свирепели и кричали на Галю все громче. Галя молчала, ни слова в ответ не выронила и все старалась глядеть в сторону. И только один раз не выдержала и, прижавшись ко мне, всхлипнула разок-другой. И снова умолкла.

29 марта 42.

— Мама, можно я пойду к знакомой девочке?

— Я пришла к тебе, а ты уходишь, — как же так?

— А ты вспомни — когда ты была маленькая, тебе разве интересно было все время сидеть со взрослыми?

31 марта 42.

Проходим мимо слепого нищего:

— Что ж ему никто не подает? Даже мы! Мы ведь не жадные? Или денег у тебя нет?

16 апреля 42.

— Почему у тебя толстенький животик?

— Там твой братишка.

Буря восторгов. Никаких дополнительных вопросов, кроме одного: «Когда он появится?».

— Только, — добавляю я, — это наш с тобой секрет. Ни у кого об этом не спрашивай, никому не рассказывай, где он. Хорошо?

— Хорошо.

В трамвае едет маленький мальчик. Галя смотрит на него задумчиво и говорит:

— И у меня скоро будет маленький братишка.

— А где твоя мама возьмет его? — спрашивает глупая трамвайная пассажирка.

У мамы Сони холодеет сердце, она с ужасом ждет громкого, на весь вагон, объяснения. Но Галя твердо помнит мою просьбу: отвернувшись, она сухо и строго отвечает:

— Уж где-нибудь достанет. Купит, вероятно.

*

— Мама, а ты тут после моего ухода не плачешь?

*

— Ты, мама, не только хорошая... Ты моя любимая.

18 апреля 42.

Приходя ко мне в гости, ведет себя заговорщически: лукаво поглядывая, фамильярно, но осторожно похлопывает по животу, словно желая сказать:

— Никто ничего не знает, только мы с тобой, да?

23 апреля 42.

Мечтательно:

— Сливочное масло... которое я так люблю... которое так дорого стоит... которое так редко покупают...

29 апреля 42.

На днях я мастерила Гале тетрадку. Галя уселась и стала по образцу выписывать палочки, кружочки. Писала усердно, высывая по временам язык, ежеминутно спрашивая:

— Так? Хорошо?

Много бегает. На месте сидит с трудом. Все порывается умчаться, попрыгать, перескочить через какую-нибудь яму, арык.

1 мая 1942.

— А когда родится ребенок — как я узнаю: мальчик он или девочка? По лицу?

*

Оказалась очень нерадивой: тетрадку забросила, но не была оправдаться:

— Кто же летом занимается? Вот зимой...

*

— Галя, кто на свете самый милый?

Не задумываясь:

— Мама Фрида и папа Шура [А. И. Кулаковский. — А. Р].

И, строго глядя на собеседницу, громко и с некоторым раздражением, словно с ней не соглашались, несколько раз добавила:

— И папа Шура. И папа Шура. Самые милые — мама и папа Шура.

9 мая 42.

— Мама, а где же щенок?

— Спать лег.

— Ты откуда знаешь?

— Слышала, как хозяева говорили...

— Ты что же, подслушивала? Ты разве не читала в «Почемучке» [7], что подслушивать нехорошо?

12 мая 42.

Мама Соня принесла Гале конфету.

— Галя, чего тебе сейчас хочется больше всего? — спрашивает она, уверенная в том, что желание будет носить ярко-гастрономический характер.

— Чего мне сейчас больше всего хочется? — повторяет Галя задумчиво. — Больше всего мне хочется поехать в Москву и повидать папу Шуру.

29 мая 42. Ташкент.

16 мая у Гали родилась сестричка Сашенька — 49 сантиметров, 7 с половиной фунтов (3 килограмма). Черноглазая и черноволосая.

Из письма Александра Борисовича в больницу:

«Я на Паркентской. Галя сидит рядом со мной. Уже мы вымыли с ней руки и поговорили о сестричке. Ее очень удивляет, что тебя и Сашу нельзя сейчас же увидеть. Я объяснил, что ты устала, отдыхаешь. Почему она плакала, узнав о Саше, объяснить не может. Несколько раз начинала и... смеется. Я не настаивал. Говорит очень спокойно и доброжелательно. Вообще, настроение самое благодушное. Хочет назвать сестричку Марусей или Катей. Но не настаивает. Суп не хотела есть. Но потом ела «за маму и Сашеньку». Сейчас она настаивает, чтоб этот факт был отмечен в письме. «И за Сашеньку», — говорит она. «Но это имя мне все-таки не нравится. Я буду звать Катей»».

25 июня 42.

Галя плачет по каждому поводу и без повода. Уронила хлеб с маслом — плачет. Оступилась — упасть не упала, только оступилась, — плачет. Не сразу ответили ей на вопрос — в слезы. Обидчива. Зина сказала ей: «Осторожнее, Галочка, не замажь мне платье своим пирожком», — Галя пулей вылетела из комнаты и, очутившись у себя, расплакалась.

Нетерпелива. Начала обводить чернилами письмо к папе Шуру [8]. Обвела полторы строчки и капризным тоном:

— Не хочу больше, устала.

К сестричке относится хорошо, с нежностью. Только вчера вечером, выведенная из терпения непрерывным Сашиним криком, сказала полшутя:

— Оставь-ка эту плаксу, умой меня и уложи спать.

16 июня Саша весила 3 800.

Воспитывают ее плохо: по ночам носят на руках, днем — укачивают.

4 августа 42.

Саша примерно с двух с половиной месяцев спит по ночам. Уснет в 11, просыпается в 6 утра. Перед сном получает разведенный мел — на кончике ножа в ложке теплой воды.

Вскоре после рождения Сашеньки Галя переселилась с Паркентской к нам, в свою новую семью. Здесь ее воспитывают по

новой методе. Сущность этой методы заключается в системе замечаний, главную роль в которых играет отрицательная частица «не».

Звучит это примерно так:

- Галя, не садись на постель.
- Галя, не трогай Сашу грязными руками.
- Галя, не кричи, Галя, не капризничай.

И т. д.

Все справедливо, но, вероятно, утомительно. Иногда вдруг все эти замечания приобретают форму вопросительную. Тогда получается следующее:

- Галя, зачем ты садишься на постель?
- Галя, зачем ты трогаешь Сашу грязными руками, зачем кричишь, зачем капризничаешь?

При ближайшем рассмотрении вместо довольно покладистой и послушной девочки, Галя оказалась упрямницей и скандалисткой.

- Вымой руки!
- Не хочу! — следует угрюмый ответ.
- Не садись на кровать!
- А я хочу! — отвечает девица, правда, несколько нерешительно.

В первое время разговаривала одними повелительными предложениями. Ни к кому не обращаясь, забыв о «пожалуйста», заявляла: «Воды!» Или: «Пить!» Или: «С луком! Без лука! Яблоко!».

Теперь эта безапелляционная форма исчезла, но остались другие, сходные: «Все равно не буду!», «Хочу!» или, напротив того: «Не хочу!».

За обедом происходят отвратительные сцены, безобразная торговля:

— Дай яблоко, тогда буду есть лапшу.

Или:

— Супу все равно есть не стану!

Или:

— Убери морковь! Пенку! Помидоры!

Больные нервы? Избалованность? Плохой характер? И то, и другое, и третье?

*

— Ты мыла руки мылом?

— Да.

Иду к умывальнику, убеждаюсь, что мыла ей не достать.

— Зачем сказала неправду?

— Я пошутила.

*

— Галя, если так будешь себя вести, перестану тебя любить. Галя, мстительно:

— А я все равно буду тебя любить.

*

— Мама, кого ты больше любишь — меня или Сашеньку?

— Мама, с кем тебе интереснее — со мной или с Сашенькой?

*

— Люблю больше всех маму, а жалею больше всех Сашеньку.

*

Всякие нотации и прочувствованные разговоры выслушивает с равнодушным, отсутствующим выражением лица. После выговора может немедленно спросить: «А ты дашь мне пряник?».

Весьма обидно, написав сотню статей о воспитании ребят, споткнуться на собственном младенце.

*

Увидела, как Шура, лаская Сашу, поцеловал ее в ухо. Когда Шура ушел, сказала мне:

— Мам, поцелуй меня в ухо.

5 августа 42.

Растрогать ее нелегко:

— Галя, я очень устала и проголодалась. Пойду поем, а ты побудь с Сашенькой.

— Ну-у-у... Лучше я посижу в тупичке на скамеечке.

Но сама часто подходит к Саше, с нежностью трогает ручки, ножки, целует, разговаривает, а иногда, укачивая, тонким голосом поет колыбельную: «Придет серенький волчок, тебя схватит за бочок...», чем и будит по утрам Шуру...

*

— Мама, Саша улыбается вслух...

*

— Галя, какую книгу читала вам Ольга Львовна [мать А. Б. Раскина. — А. Р.]?

— Она нам не читала. Она сама себе читала свою старшую книгу.

*

Плакать по пустякам перестала. Особенно после того, как перестали бросаться к ней, сломя голову, при каждом ее вопле.

Кроме того, была ей рассказана история с пастухом и волком.

9 августа 42.

Просьба посидеть с Сашей едва не имела трагических последствий: Галя, укачивая Сашу, перевернула коляску. Испугалась, закричала, заплакала, но как только выяснилось, что Саша цела и невредима, пришла в себя, улеглась спать и больше этим эпизодом не интересовалась.

— Как же тебе не стыдно, даже не спрашиваешь, как себя чувствует Саша?

— А что... Она ведь не расшиблась!

И смеется еще...

*

За буйное непослушание было решено Галю наказать. Но как? Не разговаривать с ней? Но это ее не тронет — она почти не бывает дома, прибегает только поесть, ни я, ни кто другой с ней никаких интересных для нее разговоров не ведет. Так что выходит: лишение небольшое. Придумали: будет спать одна, без меня.

Галя выслушала это решение с завидным спокойствием, легла спать, а утром сообщила:

— Очень хорошо спала. Свободно так. А тебе свободно без меня было?

Слушается, однако, лучше.

Старается оттенить свои хорошие поступки и намерения.

— Мама, я съела все корки.

— Мама, дай пожалуйста нож, я отрежу от своего яблока половину и дам Лике.

— Мама, я выполоскала Сашенькин подгузник и повесила сушить.

— Мама, тетя Оля дала мне морковь, а я сказала: «Спасибо!»

Но хорошие отношения у нас с ней не налаживаются: она нагрубила Шуре, обещала мне извиниться перед ним и не извиняется. Сначала, было, на мой вопрос — извинилась ли — ответила:

— Да, я сказала: больше не буду...

— А Шура что?

— А Шура сказал: хорошо.

Оказалось: неправда.

— Ты что же врешь? Пойди извинись.

— Я стесняюсь.

И наконец:

— Надо извиниться, ты обещала.

— Ничего я тебе не обещала.

Раньше, совсем недавно, обижалась на каждое резкое слово. А теперь — Шура с ней не разговаривает, я разговариваю сухо, Ольга Львовна — иногда раздражительно, а у Гали в глазах только упрямство, да и насмешка, пожалуй. И ожидание: «Ну, а дальше что будет?».

*

— Мама, Лика говорит, что Шура мой папа. Я ей объяснила, что он Шура, а не папа.

11 августа 42.

В целях самооправдания говорит вещи просто чудовищные: Ольга Львовна:

— Ты понимаешь, что Сашенька из-за тебя могла бы умереть, не было бы Сашеньки — понимаешь?

— Ну, что ж, мне бы тогда достались все ее распашонки... (!!!)

*

Я уж рада бы довести Галю до слез. Но — никак не прошибу.

Фрида Абрамовна с Сашей. Ташкент, июль 1943 года

17 августа 42.

Прошибить слезу удалось арбузом.

Принес арбуз Шура. Шура с Галей не разговаривает. Галя извинения у Шуры не просит. А арбуз опять-таки принес Шура. Следовательно — арбуза Гале не полагается.

Рыдания. Слезы.

— Дай арбуза! Я давно арбуза не ела! Хочу арбуза!

Извиняться, однако, не стала.

На другой день просила тоном безнадежным, но уже без страдания в голосе:

— Ну, дай мне арбуза, дай...

Почти примирилась с тем, что арбуза не получит. Даже рассказывала какой-то старушке в тупике: «А у нас арбуз есть...»

Новый взрыв отчаяния был вызван приходом мамы Сони. В расчете на ее мягкое сердце Галя кричала, плакала, требовала арбуза. Не получила. Но и не извинилась.

(Господи, какой я была душой тогда, глухой душой! Ее надо было только любить и жалеть, а я ее воспитывала. 1 декабря 1955 г.)

*

Раньше боялась и дичилась ребят — почти не играла с ними. Потом быстро освоилась, научилась по их способу взбираться на дерево, а оттуда на крышу сарая и даже свела дружбу с тринадцатилетним вором и хулиганом Валькой, отец и мать которого арестованы — один за бандитизм, другая за воровство.

По приглашению Вальки Галя была у него в гостях, где произошел следующий знаменательный разговор:

— Он меня спрашивает: «Вы богато живете?» А я ему: «Ну, во время войны кто ж богато живет?»

Гале запрещено ходить к Вальке. Но она, кажется, не очень-то намерена выполнять приказание.

Много врёт. Это — *самое* отвратительное.

*

— Галя, убери, пожалуйста, на место мой зубной порошок.

— Стану я убирать — ведь не я принесла его сюда?

Посылаю ей самый страшный, какой только могу изобразить, взгляд. Она уносит зубной порошок, возвращается и принимается философствовать:

— Ты говоришь: надо за собой убирать. Но ведь не я принесла сюда порошок, а ты, — значит, ты и должна убрать.

— Ведь не я, а ты пачкаешь свое платье, а стираю-то все-таки я? Ведь это ты, а не я хочешь есть, а готовлю еду тебе я?

— Это потому, что я маленькая.

*

Гале запрещено выходить в тупик, пока не станет слушаться сразу, без длинных рассуждений и бесконечных «А почему?»:

— Галя, убери локти со стола!

— А зачем?

— Галя, не лезь под кровать.

— А почему?

— Галя, помой руки.

— А зачем?

И это во всех случаях, в ответ на самое пустяковое приказание, просьбу.

*

Галя, целуя Сашеньку:

— Сашенька, маленькая, какая ты трогательная!

— Галя, а что такое трогательная?

Смутилась, улыбнулась:

— Не знаю... Это, наверное, вот что: Саша спит, но если стукнуть дверью, или закричать, она вздрагивает, трогается.

*

— Мама, Лика меня стукнула!

— Ты сама ее ударила...

В глазах слезы:

— Ты меня совсем не жалеешь. Одну только Сашку жалеешь, а больше никого.

20 августа 42.

Галя оказалась совсем не такой бесчувственной. Сегодня она с моей помощью извинилась перед Шурой («Шура, Галя хочет извиниться перед тобой»). Длинная неловкая пауза. Галя, улыбаясь, несколько бессмысленно: «Я больше не буду»). И сразу потеплела, отогрелась: по дороге на Пастеровскую станцию молча поцеловала мою руку, потом тревожно спросила:

— И спать со мной будешь, да?

Вечером, после прихода Шуры, сказала задумчиво:

— Почему же так получается — я перед Шурой извинилась, а он со мной все-таки не разговаривает?

— Ну как же — он пришел, поздоровался с тобой.

— Поздоровался и сказал мне пять слов. Я вошла в комнату за марлей, а он спрашивает: «Ты зачем пришла?». Я говорю: за марлей — мама велела. А он говорит: «Ну, правильно». Пять слов выходит: «ты зачем пришла» и «ну, правильно».

*

Запрещение ходить в тупик сначала ужасно взбесило Галю («Все равно пойду» и пр.), а теперь покорилась и не ропщет больше.

22 августа 42.

— Что-то я не вижу, чтобы Шура со мной разговаривал...

*

Шуру Галя иногда называет теперь «Сашин папа...» (в его отсутствие).

31 августа 42.

Никак не могу понять: у Гали подлая душа, что ли, или просто она маленькая девочка и мало чего понимает? Приподнялась на цыпочках и взяла с окна у хозяйки сушеные арбузные семечки. За что и была впервые отлуплена.

10 сентября 42.

Буду считать установленным: никакая не подлая, а просто маленькая.

(Маленькая и несчастная. Как же я этого не понимала? 1 декабря 1955 г.)

(Продолжение следует)

[1] С детским садом газеты «Правда».

[2] Зоя Александровна Беркенгейм — школьная подруга Фриды Абрамовны.

[3] См. К. Чуковский «От двух до пяти». Девочка говорит: «Я вся такая духлая, я такая пахлая!»

[4] В первое время по приезде в Ташкент Галя жила отдельно от матери, у бабушки и дедушки на Паркентской улице.

[5] В Фергану Ф. А. послали в командировку от газеты. По дороге ее, беременную (!), столкнули с поезда. К счастью, и она, и ребенок остались невредимы.

[6] Галя называла родителей Ф. А. не дедушка и бабушка, а папа Аба и мама Соня.

[7] «Что я видел» Бориса Житкова.

[8] К этому времени Галиного папы уже не было в живых, но родные еще об этом не знали.